

ИГРА С ЯЗЫКОМ В САТИРИЧЕСКОЙ СКАЗКЕ ЛЮДМИЛЫ ПЕТРУШЕВСКОЙ «НАШ БЛОХНОТ»

Одна из излюбленных жанровых форм Л. Петрушевской – модернизируемая сказка. Ее сюжет и герои подвергаются осовремениванию, а соотнесение с первоисточником и содержащейся в нем моралью служит средством нравственной оценки настоящего. Может писательница имитировать саму модель сказочного повествования, основанного на игре фантазии, воссоздании невозможных в действительности событий и явлений, изображении вымышленных персонажей и тем не менее резонирующего с современностью, в остратенном виде выражающем отношение к реально происходящему, нередко критическое. Есть у Л. Петрушевской и сатирическая сказка в духе М. Салтыкова-Щедрина, посвященная общественно-политической сфере жизни постсоветской России, – «Наш блохот» (2016). Но если М. Салтыков-Щедрин переносил общественные отношения на мир животных, наделявшихся человеческими чертами, то Л. Петрушевская сделала своими персонажами блох.* Блохи – мелкие, однако отнюдь не безобидные насекомые: они являются паразитами животных и птиц, питаются их кровью. Некоторые из видов этих паразитов становятся переносчиками чумы. Существует и вид *Pulex irritans* – человеческой блохи. Блоховидными качествами и наделяются у Л. Петрушевской персонажи сказки. Это люди, занимающие высокие государственные посты, всю пользуясь своим положением (или даже злоупотребляющие им) и мало озабоченные (либо вовсе не озабоченные) интересами страны, благополучием народа, который, в сущности, содержит государственный аппарат. Главным средством их характеристики становится игра с языком, создание комедийных окказионализмов. Все словоновществования писательницы содержат в себе корень слова «блоха» – «блх» (или его начальные буквы – «бл»), и их у Л. Петрушевской 80.

* Возможно, используемая образность подсказана «Повелителем блох» Э.-Т.-А. Гофмана, но у Л. Петрушевской подвергается перекодированию.

Однако такая повышенная частотность повторов одних и тех же слов или слов с одним и тем же корнем (их может быть от 3-х до 15 во фразе) противоречит нормам русского литературного языка. Л. Петрушевская находит выход, обращаясь к языковой маске сетевого блогера, от лица которого ведется повествование, и текст сказки имитирует запись в сетевом дневнике (блоге). Ведь то, что считается недопустимым нормами литературного языка, оказывается допустимым в интернете. Здесь возник свой язык, основанный на «речевой девиации», правда, разнонаправленной: растабуирование табуированного может достигать стадии разрушения языка либо же – иметь игровой характер в расчете на понимание «своих», самоорганизующихся по языковому признаку. Л. Петрушевская учитывает оба этих момента и, отталкиваясь от креативного потенциала сетевого словотворчества*, подвергает осмеянию паразитирующих на своем социальном статусе и на русском языке.

Таковым является и блогер-нарратор, которому в силу его принадлежности к «блохообществу» (*окказионализм от корней слов «блоха» и «общество» – блошиное общество, общество паразитов*) больше подходит обозначение «блохер» (*окказионализм от слов «блогер» + «блоха» + «хер» – скрыто ругательное обозначение человека низких моральных качеств с учетом же произношения устаревшей буквы «х» (хер) – перечеркивание*). Видимо, из тщеславия «блохер» решил предъявить себя *urbī et orbī* в Сети. Но его самоманифестация оборачивается саморазоблачением, поскольку нарратором как абсолютно нормальное, само собой разумеющееся подается то, что у писательницы вызывает осуждение: самодовольный эгоизм, корыстолюбие, беспринципность, конформизм, социальной цинизм. Возникающее несоответствие вызывает комический эффект, как и присовокупление ко многим словам «блошиной» – сниженно-утрированной – семантики, общий налет гротескной сюрреалистичности.

Основной сатирический удар Л. Петрушевская наносит по Государственной Думе РФ, каковую превозносит входящий в ее состав «блохер». По его словам, здесь заседают «самые блохастые»

* Примечательно, что у Л. Петрушевской есть цикл сказок «Пуськи бятые» на несуществующем (придуманном) языке.

(окказионализм от слова «блоха» и суффикса аст, входящего в состав слов типа «горластые» – в наибольшей степени выражающие «блошинные» качества), и именует он Госдуму «блхударственной блдумой» (1) *окказионализм от слова «блоха» + части слова «государственная» – госорган, обслуживающий блох;* 2) «блдума» – заумь, указывающая на абсурд в деятельности такого органа). «Блдума» характеризуется как место «блхословенное» (окказионализм от слов «блоха» и «благословенное» – прекрасное для блох). Сквозь панегирики проступает причина столь хвалебной оценки: «блдума» – это «кормушка» (=«пищехлох») для процветания «блхутатов» (окказионализм от слова «блоха» и части слова «депутаты» – депутаты, представляющие интересы блох). Они существуют как бы в особом мире – «блханстве» (окказионализм от слова «блоха» + «ханство» – государство в государстве, управляемое ханом), отделенном от жизни страны и обеспечивающем госблх всем необходимым и сверх того, хотя плоды их деятельности ничтожны. Таким образом Л. Петрушевская выявляет иерархическое разделение российского общества, выступает против незаслуженных социальных привилегий.

Запросы, психология, моральный облик «блхастых», как выясняется, ущербно-примитивные, вызывающие насмешку с привкусом горечи. Главное их занятие – пить. С учетом насекомой природы «блхутатов» подразумевается «пить кровь», «высасывать соки» из народа, ведь госучреждения существуют на деньги налогоплательщиков, а думают о них блохи меньше всего, живут по принципу: «Пусть у всех всё плохо, у нас блходенствие» [3, с. 241] (здесь: 1) «блхо» от слова «блоха» и «плохо» – по вхождению корня «блх» в слово «плохо» ясно, кто к этому руку приложил; 2) «блходенствие» от слов «блоха» + «благоденствие» с заменой г на х – блгоденствие блох).

Своим же «блходенствием» блохи у Л. Петрушевской обязаны холопству, соглашательству, присоединением к «блошинству блох» в «блдуме». Естественно, они «блхоговеют перед своим верховным блханом за то блхенство, которое испытывают...» [3, с. 240] (здесь: 1) «блхоговеют» от слов «блоха» и «благогове»

ют» с заменой в последнем случае з на х – относятся с особым почтением, на грани обожествления; 2) «блдохан» – от «блоха» + «хан» – правитель блох, как воспринимают они президента)*. Восторженное подчинение «блдохутатов» «блдохану» – указание на то, что подлинной самостоятельности и независимости «блдума» не имеет. Впечатление, что она к этому и не стремится: меньше ответственности – спокойнее жизнь блох. У них и так всё «блдохуенно» (от слова «блдох» + *мат*), а «блдох» без первой буквы б они считают лохами – нищими, не приспособленными к жизни людьми, глупцами, каковых легко обмануть. Однако слово «лох» входит и в состав слова «блдохи», обретая иное значение – неадекватной самооценки, приверженности ложным ценностям, бессмысленно-«насекомого» существования. К тому же некоторые «блдохи» из алчности и ощущения своей безнаказанности совершают (цитируя «блдохера») «блдохности» – переходят все границы, допустимые даже в «блдохобществе», и за чрезмерные злоупотребления: хищение государственных средств, коррупцию, неуплату налогов в больших размерах – могут быть наказаны «блдоходетелем» (от «блдоха» + «*благодетель*» с заменой буквы з на х – еще одно обозначение «блдохана»). В таких случаях:

«Пищевлох сблдохь и рядом погружается в блдохань с антиблдохином или опрыскивается облдохом яда...

И блдохутатам в блдохударственной блдуме твердят: «Опять сблдоховали!»

И говорят: «Не сблдохуй и не сблдохуем будешь!»

Но там сидят такие блдохитрые, что добывают из недр пищевлоха прямо блдоханками, на блдохаляву» [3, с. 242].

Однако не случайно наведение порядка характеризуется как «блдохоискательство». Данный окказионализм созвучен понятию «правдоискательство» (вариант: «богоискательство»), но только созвучен. Имитируется борьба за правду (соблюдение законности), а

* Э. Лимонов характеризует «ВВП» как «президента для богатых» [2, с. 104], причем «грязно богатых» [2, с. 96], – во всяком случае, длительное время выступавшего в завещанной Б. Ельциным роли, пока под воздействием «международного беспредела» им не «овладели всё же национальные интересы» [2, с. 109].

на деле служители закона занимаются «ловлей блох»: привлекают к ответственности больше «мелких сошек», а не людей высокого ранга. Спрашивается: почему? Они сами продажные, получившие взятки? Или есть такое указание? Почему за однотипные преступления одни осуждены, другие на свободе? Можно только гадать. Вывести же «неблехоразумных» (от «блохи» + *неблагоразумные* – не знающие меры своим бесчестным посягательствам) никак не удастся. Хотя и существует «многоблехие» (от слов «много» и «блехинный» – *корпоративная солидарность блох*), «блехер»-нарратор осуждает «блехастых» за чрезмерность и за то, что «не по чину» хапают (а не за сам факт незаконной наживы, обкрадывание своего народа). Ведь они могут привлечь внимание к нечистоплотной деятельности других блох – разного размера. Впрочем, есть и такие, на которых законы не распространяются: «...главные блохи блеханства пьют без ограничений.

Пьют кровь и даже ее проливают» [3, с. 242].

Пусть сам «блехер» того не замечает, в его высказывании звучит обвинение власти, обслуживающей «блехарей» (от «блоха» + «харя»: 1) *бранное обозначение отталкивающе-некрасивого лица*, 2) *маска, личина** – *разъевшиеся паразиты, прикрывающиеся депутатскими мандатами*), тогда как приводящие в интернете цифры, кто «блехапнул и сколько», могут преследоваться: «ими начинает интересоваться блехударственная блехуратура» [3, с. 242] («*блехуратура*» – от слов «блоха» + «прокуратура» с *видоизмененным началом слова* – *продажная прокуратура*). Так у Л. Петрушевской от «блдумы» нити тянутся к иным государственным институтам, и там тоже, как можно понять, едва ли не всё «заточено» под блох. «Блехер»-нарратор поучает:

«... Если ты не лох на букву «б», не блехизик, не блехшара и не блехам, не враг блехобществу, ты сможешь неплохо прожить в своей блехате, т. е. пить в заблеховременно блехоустроенном жилище блехе (на соб. или кошк.).

* См. у Н. Гоголя: «Что ни выдумают навеселе? Начнут, бывало, наряжаться в хари – боже ты мой, на человека не похожи!» [1, с. 49].

И тогда можно будет просто облохотиться на всё» [3, с. 241].

Другими словами, он предлагает принять то, что есть, стать «блохоразумной блохой» – не слишком зарываться в казнокрадстве и процветать за счет других.

От подобного морального выбора и подобной жизненной философии и отталкивает сказка Л. Петрушевской. Изуродованный русский язык «блохера»-нарратора, временами сбивающийся на «заумь», отражает уродливость душ и самой жизни «блоходенствующей» элиты. У Л. Петрушевской она представлена убого-недоразвитой, на всё накладывающей печать ценностной деградации, и потому отталкивающе-смешной.

Конечно, далеко не к каждому члену Государственной Думы можно отнести характеристики, даваемые в сказке Л. Петрушевской. Но и Россия XIX в. не состояла из одних помпадуров и мертвых душ, показанных классиками. Необходимо учитывать специфику художественной литературы. Как и предшественники, Л. Петрушевская прибегает к гротескному заострению негативного, выявляя результаты либерально-буржуазной революции 1990-х в России, расхлебываемые до сегодняшнего дня. Писательница срывает маски с зажавшихся паразитов, и, кто знает, может быть, слово «блохари» укоренится в русском языке как нарицательное.

Запрос общества на обновление, социальную справедливость силен, и одно из подтверждений этого – сказка Л. Петрушевской «Наш блохнот».

Литература

1. Гоголь, Н.В. Собр. соч.: в 6 т. / Н.В. Гоголь – М.: Госиздат, 1952. Т. 1.
2. Лимонов, Э. Азбука. «Император» и другие мнения / Э. Лимонов. – СПб.: Питер, 2019.
3. Петрушевская, Л. Нагайна, или Измененное время / Л. Петрушевская. – М.: Эксмо, 2019.